

Н. Энгельгардт. Смоленское разорение (фрагмент).

И Кривицкий принял участие в богатырской заставе.

Он видел этот сказочный бой, длившийся целый день, когда дивизия Неверовского, построившись в боевое каре, стала принимать на свою грудь бешеные, иступлённые атаки конницы Мюрата, то бросавшего её с фронта, то с флангов.

Железная русская пехота казалась неуязвимой, несокрушимой, неодолимой. Устилая путь трупами своими и грудями падших с конями, поднятых на штыки французских, итальянских, германских кавалеристов, которые пробовали на русских все национальные особенности европейской храбрости, колонна Неверовского шаг за шагом, в полном порядке медлительно отступала, сознавая, что каждое мгновение, выигранное ею, сблизает русские разрозненные армии, которые уже не форсированным маршем, а бегом, лётом неслись на соединение в Смоленске, на ходу отсталыми выбрасывая всех слабых, сердца и лёгкие которых не выдерживали этого безумного похода.

И если до этого момента от самой Вильны русские войска чувствовали себя охваченными кошмаром бессилия, обаянием странного разброда сил своих, то теперь кошмар бессилия охватил тьмы конницы Мюрата.

То, что им противустояло, по общему единодушному голосу разведчиков и лазутчиков было столь ничтожно, что два, три хороших налёта должны были рассеять эту горсть, как прах. Но налёты следовали один за другим, а грозная кучка оставалась тем же неодолимым монолитом.

Тщетно французская кавалерия с развевающимися плащами, сверкая кирасами, с красивым щегольством в самой своей ярости бросалась на ряды русских, рубила, крошила, свистала саблями. Она обрушивалась на грозно и молчаливо поднятые штыки, падала, нагромождалась холмами кровотокающих тел, и остатки её отходили прочь.

Итальянцы, на расстилающихся конях, гибкие, как змеи, выносились и развёртывались, треща колетами, как сочленёнными звеньями тысячеглавого дракона, и впивались в русскую колонну, как мириады пиявиц, сосредоточив в лезвиях своих сабель всю ненависть, всё коварство, весь яд мести своей южной нации.

И сыпались, как спелые плоды с потрясаемого дерева.

Мюрат скрежетал. Мюрат рвал свои длинные развевающиеся, как у воинственного вождя североамериканских индейцев волосы. И посылал немцев.

Огромные, на огромных конях, с тяжкими палашами, немцы с готической стремительностью и какой-то задумчиво-туманной яростью низвергались на колонну.

Но судьба их не разнилась от судьбы кавалеристов других наций. Пробить заметную брешь, сломить и перемешать строй, разделить, разрознить колонну и им не удавалось.

Атаки стали наконец вялы.

Жар стал спадать. Первые струи вечерней прохлады начали освежать разгорячённые лица бойцов. Атаки стали совсем вялы. Русские чудо-богатыри стали более спокойно совершать церемониальный марш своего величественного отступления, унося своих раненых товарищей. Огромное, багровое солнце уже, как гигантский цветок, качалось на дымовых клубах гари пожарищ. Оно скрылось за косматыми гривами лесов. Дорога потемнела. Враги остановили преследование. Русская дивизия спокойно уходила. Французы за целый день боя, стоившего им огромной потери, подвинулись к Смоленску лишь на пятнадцать вёрст. Когда Мюрат проверил это по карте, он не хотел верить; угрюмый, озлобленный, извергал он бешеную солдатскую ругань, понимая, что в первый раз дух французской армии был сломлен, победа призвана русскими на свою сторону. Он был прав. Русская геройская дивизия под Красным положила начало Смоленску и Бородину. Между тем радостная весть распространилась в дивизии Неверовского, совершившей подвиг беспримерный в истории войн всех веков и народов. Благодаря

задержке французов под Красным на целый день, русские армии успели возвратиться и соединиться у Смоленска.